

Может ли Россия стать Византией?

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Квинтэссенцию истории общественной мысли представляет череда сменяющих друг друга идеологий. Их соотнесение с государственностью было исторически неоднозначно. Одни идеологемы объективно укрепляли соответствующие государства, другие — выполняли по отношению к нему роль дезинтегратора. Зачастую, распространение такого рода дезинтеграционных идеологий инициировалось противниками данного государства. Дезинтеграционным потенциалом обладал, в частности, концепт панславизма. В нем существующая модель российской государственности — в ее евразийском масштабе — подменялась пространственно суженной типологией государства славянского единения. Другим примером дезинтеграционной идеологии может послужить популярный среди демократической общественности второй половины 1980-х гг. концепт «Великой европейской России». Лейтмотивом его утверждения послужило нежелание тянуть лямки обеспечения со стороны РСФСР национальной периферии. Россия, рассуждали сторонники европейского проекта, больше производит, меньше потребляет. Следовательно, она должна войти в Европу одна, сбросив со своих плеч нагрузку в лице Средней Азии и Кавказа.

В качестве третьего примера дезинтеграционных идеологем можно привести рекрутирующий сейчас множество сторонников неоязыческий проект. Россия в нем подменяется Русью с соответствующим сужением ее государственных ареала.

С точки зрения развития (ослабления) российских государственных потенциалов, целесообразно посмотреть и на предлагаемый концепт восточнохристианской цивилизации. На первый взгляд, имея в виду обозначенную перспективу объединения народов православного культурного ареала, он интеграционен. Однако новая цивилизационная конфигурация формируется не на пустом месте. Принятие ее означает замещение существующей модели российской (русской) цивилизационности. Чем лучше новая концептуальная парадигма?

По большому счету, оснований для выделения особой восточнохристианской цивилизации на сегодня не имеется. Достаточно типологически сопоставить два образа — русского и грека. Что между ними общего? Возможно ли объединить их — по каким-либо критериям общности бытия — в единую цивилизационную систему? Ментальный параметр — различия, геополитический — различия, черты национального характера — различия, традиционный тип хозяйственной организации — различия. Что же общего? Помимо единой конфессиональной принадлежности — ничего общего. Исторически на Руси достаточно широкое распространение получил феномен церковной грекофобии. Сам термин «Святая Русь» продуцировался во многом как высвобождение от влияния греческой церкви.

Российская цивилизация выстраивалась на определенной системе этнических связей. Одним из таких связующих компонентов являлась, в частности, русско-татарская культурная ось. Во многом именно на ней исторически выстраивалась российская государственность. Следуя за логикой восточнохристианского проекта, связка русские — татары замещается на связку русские — греки. Жизнеспособность такой замены весьма сомнительна. Новой интеграционной системы таким образом построить не удастся, тогда как разрушить старую — вполне вероятно.

Каждая цивилизация выстраивается по осям центр-периферийных отношений. Цивилизационнообразующим цен-

тром России является Москва, цивилизационнообразующим народом — русские. В восточнохристианской цивилизации все иначе. Россия в ней — не более чем периферия. Центр восточнохристианского мира — это не Москва, а Константинополь. Периферизация России и русских является прямым логическим следствием развития данной проектной линии.

Культурное преломление восточнохристианского проекта не позволяет в достаточной степени оценить все содержащиеся в нем вызовы и угрозы. Культура, как известно, не исчерпывает содержание феномена цивилизаций. Помимо культурного существует еще и политическое преломление. Таковым преломлением, применительно к восточнохристианскому цивилизационному проекту, выступает Восточно-Римская империя. Имеются ли на сегодня достаточные ресурсы и средства выдвигать задачу неовизантийского имперостроительства? Утопичность такого проекта в настоящих условиях представляется очевидной. Как управленческая модель в обозримой временной перспективе он нереализуем.

Впрочем, попытки реализации подобного рода концептов неоднократно предпринимались. Черета их тянется исторически еще с XV в. Активная роль в их прививке к российской внешней политике принадлежала Западу. Геополитический расчет заключался в том, чтобы подтолкнуть русское государство к включению в борьбу за византийское наследие. Инициированная Ватиканом женитьба Ивана III на царевне Софье входила в указанную режиссуру. После падения Византии над Европой нависла опасность дальнейшей турецкой экспансии. Выход виделся в том, чтобы связать туркам руки, втянув их в конфликт с каким-либо иным противником. В качестве этой жертвенной фигуры было номинировано русское государство. Для реализации задачи обеспечения безопасности Запада требовалось спровоцировать православие и ислам, столкнуть две традиционные религии.

Актуальна ли проблема такого столкновения сегодня? Вне всякого сомнения. В направлении формирования право-

славно-исламского конфликтного поля направлены усилия проектеров современной международной политики. Говоря о восточнохристианской цивилизации, необходимо помнить, что первые четыре православные патриархии — Константинопольская, Александрийская, Иерусалимская и Антиохийская находятся на территории нехристианских государств. Решая вопрос воссоздания византийского цивилизации, Россия вступала бы в поле прямого соперничества с мусульманским миром. Конфликтный сценарий данного проекта представляется очевидным.

Принятие Россией неовизантийских ориентиров привело также к негативным внутренним последствиям. Достаточно сослаться на хрестоматийный пример соблазнения патриархом Никоном в XVII царя Алексея Михайловича перспективой восточнохристианского концепта. Именно под него было затеяно никоновское церковное реформирование, обернувшееся для России религиозным расколом. Это был первый системный подрыв духовной целостности русского государства.

Константинопольский проект составил лейтмотив внешней политики России в императорский период. Серия шагов в его реализации предпринималась и Екатериной II, и Александром I, и Николаем I. В итоге, Россия ценой невероятных усилий добилась освобождения из-под власти османской Турции православных единоверцев. Однако признавать российское идейное и, тем более, политическое предводительство освобожденные не пожелали. Проект провалился.

Стоит ли сегодня вновь брать на вооружение этот концепт, если он уже показал экспериментально свою историческую несостоятельность? В культурном плане, как постановка вопроса обращения к византийскому духовному наследию, восточнохристианским корням, проект вполне допустим. Однако как политический выход развитие его представляется по отношению к российской государственности довольно опасным.